

ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА



НОВЫЙ ГОД

ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ, ИЛИ
ВАРВАРОВСКИЙ ЗАХВАТ

Екатерина Мордвинцева

Новый год вверх тормашками, или Варварский захват

<https://litres.ru/74211358>

Аннотация

Представьте: вы в другом мире. Вас считают дикаркой, вещью или проблемой. Перед вами — грозный воин, требующий покорности. Ваши действия? А) Расплакаться. Б) Попытаться сбежать. В) Дать ему по голове обломком самолёта, а потом открыть напротив его воли успешный бизнес. Если вы выбрали В — эта книга для вас. Это история не о том, как девушку спасают. Это история о том, как она спасает себя сама. И, по пути, меняет правила игры для всего королевства.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Глава 1

Если бы мне, Варваре Королёвой, год назад сказали, что мой мопс станет главным арбитром в спорах шести взрослых женщин, я бы фыркнула и предложила проверить градусник у пророка. А теперь слушаю его размеренное, философское хрюканье из-под стола и понимаю — Бублик единственный здесь сохраняет рассудок. Или, возможно, он просто лучше всех нас осознаёт ценность тишины и куска ветчины под шумок.

Мы сидели в нашем привычном кафе — месте, где аутентичность намеренно создавалась потёртыми обоями, запахом корицы и барменом с вечной грустью в глазах. Сегодня грусть бармена сменилась лёгкой паникой, потому что наш столик на шестерых напоминал штаб перед решающим сражением.

— Ну так что решать будем? — Маша, наша неформальный лидер и по совместительству генератор идей с КПД паровоза, от нетерпения подёргивала ногой. Её колено под столом совершало колебания с частотой колибри, создавая вибрацию, от которой звенела посуда. — Новый год на носу, а мы всё сидим, как три неразумные девы у разбитого корыта! Хотя, стоп, нас шесть... Шесть неразумных дев! Это уже системная ошибка!

— Я бы с удовольствием дома осталась, — вздохнула

Крис, вечно видящая в стакане не то что он наполовину пуст, а что он ещё и с трещиной. Она отпила из чашки латте с обезжиренным молоком, поставила её на блюде с таким звонким «чпоком», что казалось объявила минуту молчания в честь наших несбывшихся планов. — Ёлку наряжать, «Иронию судьбы» включить фоновым шумом, оливье под шампанское, которое всё равно дарит папа... Идеал. Цивилизованно, без паники и чемоданов.

— Кто бы сомневался! — Лерин смех, звонкий и заразительный, как рассыпавшиеся бубенчики, заставил пару бородатых хипстеров у барной стойки обернуться с одобрительными улыбками. Она поймала их взгляд и тут же сделала вид, что поправляет несуществующую прядь волос. — Тебя вечно никуда не вытащишь. Ты у нас философ-затворник, созерцатель внутреннего мира собственной квартиры!

— Неправда! — губы Кристины надулись, приняв форму идеального бублика. — Я просто ценю домашний уют! И предсказуемость! Вместо того чтобы трястись в каком-нибудь конском автобусе по горному серпантину с водителем-самоубийцей, я могу лежать на диване и гарантированно не умереть. Кроме как от скуки, — добавила она уже тише.

Из-под стола раздалось короткое, одобрительное хрю-сопрано. Бублик, судя по довольному кряхтению, был на сто процентов на стороне домашнего уюта, дивана и гарантий. Я наклонилась, чтобы через сетку переноски почесать его меж ушей. Он ответил благодарным тычком мокрого носа в ла-

донь.

— Девчат, хватит препираться! — Маша нахмурила брови, изображая строгого режиссёра на съёмках фильма «Безнадёга». — До Нового года меньше месяца. Если не хотим встретить его, заедая тоску тем самым оливье в гордом одиночестве и смотря третий раз подряд «Чёрное зеркало», надо поторопиться. Билеты и туры уже сейчас разбирают, как горячие пирожки на первом морозе.

— Это точно, — прошипела Инга, сжимая свой смартфон в узкой ладони так, что он, казалось, вот-вот испустит цифровой дух со стоном. Звук, который она издала, был похож на пыхтение кипящего чайника, который забыли выключить. — Уже неделю думаем, и все мысли — нулевые. Я сейчас готова сорваться хоть на Северный полюс к моржам, лишь бы не в эти четыре стены! Мой офис к Новому году начинает напоминать камеру для лабораторной мыши: те же серые стены, тот же бесконечный бег в колесе отчётов.

Она нервно провела рукой по волосам, сбивая идеальную укладку. Инга была нашим кризис-менеджером по жизни, но сейчас кризис был у неё внутри.

— У кого какие предложения? — Маша окинула нас взглядом полководца, ведущего разношёрстную армию на решительный, возможно, последний штурм. Её взгляд задержался на Женьке, которая, казалось, мысленно уже была не с нами.

— Я на море хочу, к солнышку, — Женька закатила глаза,

мечтательно улыбаясь пустому пространству над нашими головами. В её зрачках, казалось, отражались волны. — Представляете? Белый песок, пальмы, коктейли с зонтиками... И никаких этих дурацких шапок-ушанок, которые портят причёску! Только бриз, загар и, возможно, таинственный незнакомец с яхтой...

— Размечталась, наша Снегурочка! — Инга с лёгкой, но усталой улыбкой осадила её, но пальцы уже лихорадочно бегали по глянцевой поверхности экрана, пролистывая десятки вкладок. — Так, секундочку... — она водила по нему, словно шаман, вызывающий духов туристических сайтов. — Спешу огорчить: на море в нашем ценовом диапазоне и с таким поздним бронированием только базы отдыха с советскими коврами на стенах, борщом на завтрак, обед и ужин, и бабушкой-администратором, которая в десять вечера отключает горячую воду «по режиму».

— Не хочу я на базу! — с негодованием поправила свои огненно-рыжие, будто живые, локоны Оля. — Скукотища смертная, там даже интернет, как назло, ловит только в одном месте — под той самой пальмой, которая нарисована на стенке в столовой. И флиртовать будет не с кем, кроме местного котэ, а он, я проверяла, обычно кастрирован.

Из переноски донёсся скептический, откровенно осуждающий хрип. Бублик, кажется, не одобрял ни базы, ни флирт как концепцию, ни, вероятно, легкомысленное отношение к котам.

И тут лицо Инги озарилось. Не просто осветилось — его буквально перекосило от вспышки вдохновения. Такое выражение бывает у учёных в момент великого открытия, у игроков, сорвавших куш, и у маньяков в кино перед тем, как всё завертится...

— О! — воскликнула она так громко и пронзительно, что мы все вздрогнули, а бармен уронил ложку в раковину с мелодичным звоном. — Девчонки, есть! Есть же! Горящий тур! Вылет двадцать пятого ночью, обратно пятого. Десять ночей! И цена... О боги мои, это же почти даром! Нам даже не придётся продавать почку! Максимум — пару ненужных вещей на «Авито»!

Моё внутреннее чутьё, то самое, что всегда подсказывает, где спрятана последняя конфета, когда в доме гости, и где припаркована машина таксиста, который только что сказал «сейчас подъеду», тихо забило тревогу. Не просто забило — заколотило в набат. «Горящий тур» в канун Нового года — это как найти на помойке упаковку свежайших устриц. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, и пахнуть может сомнительно.

— И куда? — скептически протянула Кристина, отодвигая свой стул, чтобы пропустить официанта с подносом, на котором дымились тарелки с ребрышками и картошкой. Манящий, животный запах жареного мяса с чесноком и розмарином мгновенно разнёсся вокруг, совершив диверсию против нашего здравого смысла. На секунду все вопросы о турах

смогли, уступив место первобытному «хочу есть».

Инга, не отрываясь от экрана, загадочно подмигнула, запуская в воздух интригу, которая пахла дешёвым парфюмом, обещаниями и безответственностью.

— А это сюрприз! Поверьте, оно того стоит. Я даже название гуглить не буду, чтобы не спугнуть удачу. Всё легально, туроператор проверенный, «трёхзвёздочный» отель у самого моря.

— Нет-нет-нет! — замахала руками Крис, отодвинув от себя тарелку, словно еда могла её отвлечь от сути. — Я как минимум должна знать, что с собой брать! Это принципиальный вопрос! Шубу или бикини? Сапоги или сланцы? Утеплённые лосины или парео? Я не собираюсь тащить весь гардероб на себе, как верблюд!

— Трусики, бусики и денег побольше, — нараспев, с пленительной улыбкой произнесла Лера, и мы фыркнули почти синхронно с Бубликом, создав странный хор. — Всё остальное — мелочи жизни, которые либо купим на месте, либо обойдёмся.

— Я серьёзно! — Кристина надулась снова, превратившись в золотую рыбку, возмущённую качеством воды в аквариуме.

— Да ладно тебе, не кипятись, — смягчилась Инга, наконец отрывая взгляд от телефона. — Нормальный курортный городок на тёплом море. Не Канары, конечно, но и не база «Рассвет». Тёплый, уютный, не раскрученный. Идеаль-

но, чтобы отдохнуть от всей этой московской суеты, смога и вечной гонки. Ну что, все согласны?

Она обвела взглядом стол. В глазах Женьки горели тропические сны и отблески воображаемого океана. Маша уже мысленно паковла чемоданы, и я почти физически видела, как в её голове летают футболки, платья и аптечка на все случаи жизни. Оля смотрела вдаль, представляя себе не яхтсмена, а, пожалуй, загорелого инструктора по серфингу с голливудской улыбкой. Лера одобрительно кивала, прикидывая, поместится ли в ручную кладь её коллекция вечерних люрексов. Даже Крис смотрела менее скептически — её взгляд говорил: «Ну, если уж совсем не вмоготу... и если отель правда «три звезды», а не три нарисованные звёздочки на заборе...»

Только я чувствовала, как холодок тревоги, тонкий и острый, как ледяная игла, скользит по спине. И Бублик под столом тихо, сонно хрюкнул, переворачиваясь на другой бок с таким видом, будто говорил: «Вы, люди, сами не знаете, чего хотите. А я вот хочу спать и, может, кусочек того мяса с подноса».

— Согласны или нет, возражения не принимаются! — с театральным пафосом, достойным Шекспира, провозгласила Маша и подняла чашку с почти остывшим, оранжевым фруктовым чаем. — Голосуем! Кто за то, чтобы праздновать Новый год под яркими, тёплыми, ненашенскими лучами солнца? За наше новогоднее приключение!

— За лучший Новый год в нашей жизни! — хором, с нарастающим энтузиазмом подхватили остальные, звякнув чашками, будто бокалами с шампанским. Звон был нервный, но решительный.

Я медленно подняла свою белую фарфоровую чашку, где на дне грустил холодный осадок от трав. Солнечные лучи — это, конечно, хорошо. Тепло, море, смена декораций... Но почему-то мне казалось, что Судьба, эта старая проказница, подбрасывая нам этот «горящий тур», хитренько так подмигивает одним глазом. Как последний раз перед тем, как ловким движением выдернуть стул у понравившегося парня или опрокинуть всё игровое поле кверху тормашками прямо посреди партии.

— За приключение, — пробормотала я себе под нос, отпивая последний глоток чая, который на вкус внезапно показался горьковатым, словно полынь.

Под столом Бублик тихонько, назидательно захрапел. Он, похоже, уже всё решил за нас. И его вердикт звучал так: «Глупости это всё. Но раз уж вы решили, то я, конечно, поеду с вами. Только не забудьте моё одеялко и корм».

Глава 2

Если мир и вправду театр абсурда, то вечер двадцать четвертого декабря в международном аэропорту был его премьерой. И мы, похоже, играли главные роли в трагифарсе под названием «Как не улететь в тёплые края».

Я стояла у огромных панорамных окон, сжимая в одной руке поводок, а в другой — паспорт и посадочный талон. Бублик, облачённый в утеплённый комбинезон цвета хаки и сидящий в переноске у моих ног, взирал на суету с философским спокойствием существа, которое уже предвидит, что самолёт — это просто большая, шумная консервная банка. И он был в ней консервой.

В кармане жужжал телефон. Наш общий чат «6_амазонок_и_мопс» рвал все рекорды по скорости сообщений. Это был виртуальный эпицентр всего этого беспредела.

Инга (18:45): «НЕ ВЕРЮ. Он специально. Специально, тварь дрожащая! Только что свалил на мой стол папку с договорами за весь год. «Срочно сверить, Инга, к утру». К УТРУ 25-ГО ДЕКАБРЯ. Я его сейчас найду и сверну ему что-нибудь к утру. К УТРУ В МОРГ.»

Маша (18:46): «ТЫ ШУТИШЬ? Вырывайся! Такси, вертолёт, упрашивай! Мы уже здесь!»

Инга (18:47): «Не шучу. Я в офисе, в потолок плюю. Он сбежал, гад, телефон выключил. Мне надо часа три мини-

мум. Вылет в 23:30... Не успею. Блин, девчонки, простите...»

В воздухе повисла тишина, которую нарушил лишь голос диктора, равнодушно объявляющий о задержке рейса в Норильск. Я почувствовала, как первый ледяной осколок тревоги вонзился мне под ребро. Бублик вздохнул.

Женя (18:50): «Инга, это жесть полная! Что будем делать?»

Варя (18:51): «Меняй билет на завтра. Догонишь нас. Главное — не сворачивай боссу ничего, за что потом сядешь. Нам тебя в тёплых краях ждать.»

Инга (18:52): «Попробую... Девчонки, правда простите. Рвите за меня там все тропики!» (Прикреплено фото: завалянный бумагами стол и средний палец, направленный в сторону кресла начальника)

Только я собралась ответить, как чат взорвался новыми сообщениями. На этот раз от Крис.

Крис (19:15): «Всё. Всё пропало. Мы с Олей.»

Сердце упало куда-то в ботинки. «Мы с Олей» в исполнении Крис никогда не сулило ничего хорошего.

Маша (19:15): «Что «мы с Олей»?! Где вы? В дороге уже должны быть!»

Оля (19:16): «В дороге-то мы. Авария. Небольшая. Но тачка не едет. И Кристинке нехорошо.»

В чате воцарилась мёртвая тишина, которую не смог нарушить даже Бублик, начавший нервно покусывать сетку пе-

реноски.

Варя (19:17): «Вы где? Скорую вызвали? Оля, ты в порядке?»

Оля (19:18): «Скорую ждём. Я цела, отделалась испугом и синяком от ремня. А Крис стукнулась головой, говорит, тошнит. Свет мешает. Это, кажется, сотрясение.» (Прикреплено фото: разбитая фара их подержанной машины такси и часть капота с вмятиной.)

Картинка была на редкость красноречива и уныла. На заднем плане мелькал мигающий свет аварийки.

Крис (19:20): «Я же говорила, дома надо было остаться... Это знак.»

Маша (19:21): «Не трави душу! Главное, что живы! Где точно находитесь?»

Пока Оля скидывала геолокацию, а Маша пыталась сообщить, как скорее до них добраться, я стояла как вкопанная, глядя на табло вылетов. Наше «23:30» горело зловеще зелёным. «Регистрация заканчивается в 22:30».

Женя (19:30): «Так что делать-то?! Мы без них летим?»

Варя (19:31): «Пока не знаем. Ждём новостей. Оля, как там Крис?»

Оля (19:40): «Скорая забрала. Сотрясение лёгкое, но везут в больницу на обследование. Меня не забрали, я здесь с гаишником. Говорят, вам надо лететь, мы точно не успеваем даже если что. Меняем билеты, подтянемся позже. Крис это сказала первым делом, когда чуть отошла.»

В этом была вся наша Крис. Даже с сотрясением мозга её первая мысль была о логистике и о том, чтобы не портить нам «и без того шаткие планы».

Маша (19:45): «Чёрт-чертища! Ладно. Оля, будь на связи. Выздоровливайте. Мы тут решим, как быть.»

В этот момент к нам подбежала Даша — запыхавшаяся, с огромным чемоданом на колёсиках и лицом, на котором читалось «наконец-то».

— Я здесь! Простите, маршрутка встала в пробке! — выдохнула она. — Что это у вас за лица? Похороны?

— Скорее, предварительные, — мрачно сказала я, кратко пересказав ситуацию.

Лицо Даши вытянулось.

— То есть нас уже пятеро?

— Пока да, — кивнула Маша, сжимая телефон так, что он мог вот-вот треснуть. — Идём на регистрацию. Пока не опоздали все.

Мы двинулись к стойке, растянувшись цепочкой. Даша — первая, с чемоданом, за ней Женя, потом я с Бубликом, замыкала Маша, которая постоянно оборачивалась, как будто надеясь увидеть бегущих к нам Ингу, Олю и Крис.

Даша подкатила чемодан к весам, начала рыться в сумочке за паспортом. И тут её лицо сменилось. С напряжённого на абсолютно пустое, а затем на паническое.

— Девчат... — голос её сорвался. — Моя сумка... боковой карман... его вспороли.

Она вывернула красивую кожаную сумку. На боку зиял аккуратный, почти хирургический разрез.

— Паспорт, — прошептала Даша, безнадежно шаря руками по основному отделению. — Кошелёк... Билет... Все документы... Их нет.

Мы замерли. Даже Бублик перестал хныкать. В голове пронеслась мысль, настолько чёрная, что ей позавидовал бы уголь: «Вот и ещё одна. Симметрия. Восемь минус четыре.»

— Как?! — взвизгнула Женя. — Ты же только что доставала телефон!

— В маршрутке! В маршрутке было тесно, я могла... Ох... — Даша побледнела и схватилась за стойку.

Начался ад. Вызов полиции, объяснения, попытки доказать, что она — это она, без документов. Сотрудница аэропорта с лицом, высеченным из льда, беспристрастно повторяла:

— Без документа, удостоверяющего личность, и посадочного талона на борт мы вас не посадим. Вы можете попытаться получить справку, но на этот рейс вы уже не успеваете.

Маша рвалась помочь, но другая сотрудница мягко и неумолимо оттеснила нас:

— Девушки, проходите, пожалуйста, не задерживайте очередь. Вашей подруге помогут.

— Но как же так?! — почти кричала Женя, когда мы, втроём, уже проходили дальше, оглядываясь на потерянную Дашу, которая стояла у стойки с двумя полицейскими и пла-

кала. — Это же просто серия какая-то! Полный абзац!

— «Горящий тур», — мрачно констатировала я, чувствуя, как по спине ползёт ледяная паутина предчувствия. — Он и должен гореть. И, похоже, сжигает всё на своём пути.

Бублик в переноске тяжело вздохнул, словно говоря: «Я предупреждал. Но нет, вы со своим «море, солнце, коктейли».

На борту, в салоне самолёта, было тихо и почти пусто. Видимо, мы были не единственной группой, кого судьба отфильтровала в этот вечер. Мы заняли свои места.

Маша, пристегнув ремень, уставилась в иллюминатор на тёмную взлётную полосу.

— Итак, резюмируем, — сказала она голосом, в котором дрожали и злость, и отчаяние, и чёрный-чёрный юмор. — Инга завалена работой гадом-начальником. Крис и Оля в аварии, одна в больнице. Дашу обокрали и не пустили. В итоге мы трое. И мопс. Как будто это какая-то шутка мироздания!

— Н-да... — прошептала Женя, глядя на пустые кресла вокруг. — Встретили Новый год, блин...

Я прижалась лбом к прохладному пластику иллюминатора. Где-то там, внизу, оставался наш разбитый «кордебалет». А мы летели вперёд. В неизвестность. С чувством, что нас не просто отфильтровали, а целенаправленно, по какому-то дьявольскому сценарию, отобрали.

Самолёт дрогнул, набирая скорость. Огни взлётки сли-

лись в золотые полосы. Гул двигателей заполнил всё пространство.

Я опустила руку, просунула пальцы в сетку переноски. Бублик лизнул их коротким, тёплым язычком. Это было единственное, что сейчас казалось реальным и надёжным.

Впереди было море. Солнце. И обещание приключения, которое пахло уже не коктейлями, а чистейшим, неразбавленным предчувствием.

— Держись, дружок, — прошептала я ему. — Похоже, это будет рейс со всеми остановками. И не факт, что там, куда мы летим, есть вообще какая-нибудь взлётная полоса.

Глава 3

Тишина в салоне была не отдыхающей, не предвкушающей. Она была той породы, что гудит в ушах громче четырёх реактивных двигателей, вымотанная до нервного истощения и обглоданная до костей только что пережитым наземным адом. Мы втроем застыли в креслах, как последние выжившие после крушения «Титаника», посаженные на спасательную шлюпку, которая почему-то была целым «Боингом» и несла нас в чёрную пасть ночи куда-то «отдохнуть».

Я сидела у прохода, одной ладонью вцепившись в сетку переноски у ног, где клубочком дрожал Бублик. Моя вторая рука лежала на колене, и я с удивлением заметила, что пальцы слегка подрагивают. От стресса, от накопленной злости на этот вечер, от ледяного предчувствия, что полоса неудач — это не полоса, а взлётная полоса, ведущая прямоком в пропасть.

Маша у окна казалась высеченной из камня. Только указательный палец её правой руки, лежавший на подлокотнике, выбивал бесконечную, назойливую дробь. Тук-тук-тук-тук. Морзянка отчаяния. Её взгляд был прикован не к тёмному стеклу, а куда-то внутрь себя, где она, вероятно, перемалывала в пыль образы начальника-садиста Инги, разбитого такси и воришки с лезвием, укравшего Дашину поездку.

Женя посередине листала глянцевый бортовой журнал.

Шуршание страниц было неестественно громким. Она задерживалась на фотографиях бирюзовых лагун и белоснежных пляжей, но глаза её были пусты. Не видели ни песка, ни пальм. Видели, наверное, лицо Крис в больничной палате и испуганные глаза Даши у стойки. Она перевернула страницу с таким усилием, будто это был каменная надгробная плита.

— Значит, так, — голос Маши прозвучал хрипло, как будто она несколько часов орала, хотя мы все молчали. Он разрезал гул двигателей, и мы обе повернули к ней головы. — К пятнице у Инги должны отсохнуть руки от этой дурацкой работы. Я лично, как приземлимся, закажу ей курьером из аптеки тонну самых ядрёных мазей. И пришлю виртуальный пинок её боссу. Крис и Оля... — она сделала паузу, глотая воздух, — с ними всё будет в порядке. Обязательно. Просто лёгкое сотрясение, они уже завтра будут строить нам рожи в видеочате. А Даше... — тут Маша махнула рукой, будто отмахиваясь от мошкеры, — мы купим ей там такую сумку, от которой все воры в Москве заплачут от зависти. Или, на крайний случай, подарим абонемент к хорошему психотерапевту. На год вперёд.

Она пыталась строить планы. Восстанавливать контроль над реальностью, которая так нагло от него ускользнула. Это было одновременно трогательно, жалко и жутковато, как попытка навести порядок в доме, на который только что обрушился ураган.

— Главное — мы летим, — сказала Женя с такой фальши-

вой, натянутой бодростью, что мне захотелось её встряхнуть. Она отложила журнал. — Солнце, море... Тёплый бриз. Может, это даже к лучшему, что нас так мало? Тихий, спокойный, умиротворяющий отдых. Без всей этой суеты, споров и беготни. Почти медитация.

— Тихий, спокойный отдых, — повторила я, и мой голос прозвучал плоским эхом. Я наклонилась ниже, просунула пальцы сквозь сетку. Шерсть под ними была влажной от нервного пота. — Да, Бублик был бы только за. Он ценитель тишины и стабильности.

Из-под сиденья донеслось тихое, жалобное похныкивание, переходящее в сдавленный хрип. Бублик ненавидел всё: непонятные гудящие звуки, вибрации, которые пронизывали его маленькое тело, и это ужасное чувство неконтролируемого падения, которое даже я, человек, здесь чувствовала кожей. А самолёт, эта огромная металлическая птица, состоял сплошь из всего, что он ненавидел.

— Всё хорошо, булочка, всё хорошо, — зашептала я, наклоняясь так низко, как позволял ремень безопасности. Мой лоб почти касался сетки. — Мы просто летим. Очень-очень быстро. Это как большая машина. Только выше. И безопаснее, — солгала я, чувствуя, как ложь обжигает губы. — Сколько раз мы уже летали? И всё было хорошо.

Он ответил недоверчивым, отрывистым хрюком, который заканчивался всхлипом. «Врёшь. Машины так не гудят. Их не трясёт, будто в стиральной машине. И от них не пахнет

чужим страхом и старым бутербродом. Ты врёшь, и я это знаю».

Напряжение, свинцовым одеялом накрывшее нас после регистрации, начало понемногу растекаться, сменяясь ледяной, парализующей усталостью. Потерять битву ещё до начала войны — это выматывает. Веселенькая, стереотипная музыка, зазвучавшая из динамиков, казалась откровенным издевательством, насмешкой над нашим потрёпанным состоянием. Стюардесса с профессиональной, замороженной улыбкой прошла по проходу, предлагая напитки. Мы взяли воду. Пили маленькими глотками, молча, как причащающиеся после долгого поста. Вода была тёплой и безвкусной.

— Знаешь, — Маша оторвалась от созерцания тьмы за окном и повернулась к нам. В мигающем свете аварийных ламп её лицо казалось изрезанным тенями. — Это похоже на начало какого-нибудь откровенно дешёвого, низкобюджетного хоррора. Ты же знаешь, такие: «Пять подруг отправляются в отпуск, но одна за другой таинственным образом убывают из игры... Последняя выжившая обнаруживает, что убийца — это...» — она махнула рукой. — Короче, вот это всё. Только у нас не хоррор. У нас откровенно чёрная комедия. С элементами трагифарса. Сценарий явно писал тот, кто ненавидит туристов.

— Проклятый отдых, — пробормотала Женя, поставив стаканчик в откидной столик со слабым стуком. Мы невольно хмыкнули. Смешок получился коротким, сухим, горьким,

как прогорклый орех. Он не принёс облегчения.

— Ага, — я откинулась на спинку кресла, закрыла глаза. Темнота под веками была уютнее, чем эта искусственная ночь в салоне. — Прямо «Проклятие горящего тура». Часть первая: «Аэропортный отбор». Рейтинг 18+. Много крови (от злости), жестокости (босса Инги) и сцен воровства.

Мы замолчали. Гул двигателей, раньше раздражающий, теперь превратился в однообразный, почти убаюкивающий фон. Монотонная вибрация входила в резонанс с усталостью, и веки начали тяжелеть. Даже Бублик под сиденьем, кажется, сдался — его хныканье стихло, сменившись прерывистым, нервным сопением. Женя перестала перелистывать страницы. Машины пальцы замерли на подлокотнике. Казалось, самое страшное позади. Ад — это земля, а тут, на высоте десяти километров, нас ждёт лишь скучная, рутинная небытие полёта, а потом — обещанное забытье на пляже под шум прибоя, который должен смыть всю эту дрянь.

Именно в этот момент, когда наши защитные механизмы почти опустили щиты, мир — или то, что им управляет, — решил, что с нас хватит чёрной комедии и мелодрамы. Пора переходить к главному жанру вечера: «катастрофическое фэнтези с элементами сюрреализма».

Сначала был звук. Но не громкий, не оглушительный. Глухой, тяжёлый, плотный. Будто где-то глубоко в недрах этой стальной птицы что-то огромное, неподъёмное сорвалось с креплений и с размаху ударило по рёбрам жёсткости.

Не хлопок, не взрыв. Удар. Единый, точечный, чудовищной силы.

Весь корпус самолёта содрогнулся так, будто его схватили за крылья и дёрнули в разные стороны. Заскрипели, затрещали переборки. Сверху, с полок, посыпались мелкие вещи — планшеты, книги, пледы. Кто-то впереди вскрикнул.

Я инстинктивно вцепилась в подлокотники, ногти впились в искусственную кожу. Глаза распахнулись, вбирая в себя кадр сюрреалистического ужаса: пластиковый стаканчик с остатками воды на столике у Жени подпрыгнул и медленно, словно в невесомости, полетел в проход. Маша резко повернула голову к окну, её лицо исказила гримаса чистого, животного непонимания.

Бублик взвизгнул — тонко, пронзительно, по-собачьи, отрывая душу от тела. Этот звук был громче любого гула.

— Что это?! — закричала Женя, но её голос был тут же заглушён.

Потом погас свет. Все сразу. Не с морганием, не с затуханием. Резко, бесповоротно, будто кто-то всемогущий щёлкнул выключателем: «Света больше не будет». На секунду — а она показалась вечностью — воцарилась крошечная, абсолютная, оглушающая темнота. И тишина. Та тишина, что страшнее любого рёва, потому что она полна ожидания самого худшего.

И худшее пришло.

Его разорвали сначала крики — срывающиеся, нечелове-

ческие, полные чистого инстинктивного ужаса. А потом — свет. Но не тот, что был раньше. Жёлтые, мигающие, судорожно дёргающиеся огоньки аварийного освещения загорелись под потолком, отбрасывая по салону жуткие, прыгающие, неверные тени. В этом адском стробоскопе лица людей казались масками из кошмарного сна: распахнутые рты, вытаращенные глаза, застывшие в немом крике.

И тогда самолёт начал падать.

Нет, это не то слово. Его «забрало». Резко, неумолимо, с чудовищной силой рвануло вниз. Меня с силой прижало к ремню, грудь вдавило в лямки так, что воздух с хрипом вырвался из лёгких. Потом последовал дикий рывок вперёд, будто невидимая рука швырнула все наши тела к передней части самолета. Ремни впились в плечи и бёдра, обещая оставить синяки, которых мы, возможно, уже никогда не увидим.

Справа и слева, спереди и сзади — мир превратился в какофонию разрушения. Звон разбиваемой посуды из камбуза. Грохот падающих на пол сервировочных тележек. Глухой удар о что-то мягкое и стон. Сливаясь воедино, человеческие голоса создавали леденящую душу симфонию: вопли, молитвы на разных языках, плач детей, сдавленные рыдания, чьё-то бесконечно повторяемое «нет-нет-нет-нет».

Воздух наполнился запахами. Сначала сладкого, приторного страха, потом резкого пота. Потом к ним примешался горьковатый, металлический запах озона и чего-то палёного, словно перегревшиеся провода.

Я не кричала. Всё внутри — мозг, сердце, инстинкты — сжалось в один маленький, невероятно плотный и холодный шар где-то в районе солнечного сплетения. Мысли остановились. Остался только чистый, животный ужас и одна чёткая, ясная команда, прошитая в подкорке: «Держи!»

Руки сами, помимо воли, рванулись вниз, к тому единственному, что ещё имело значение в этом рушащемся мире. Я нащупала ручку переноски, вцепилась в неё мёртвой хваткой, которую уже не могли бы разомкнуть ни тиски, ни сама смерть. Сквозь неистовую, выворачивающую тряску, которая швыряла меня из стороны в сторону, я притянула пластиковый контейнер к себе, на колени, прижала его к животу, свернувшись вокруг него калачиком, пытаюсь своим телом создать хоть какую-то защиту. Бублик завыл — не хрипло, а тонко, пронзительно, по-волчьи. Этот звук прорезал весь адский гам, все крики, весь грохот, как лезвие. В нём была вся его короткая собачья жизнь, весь страх и упрёк: «Почему?»

— Варя! — закричала Маша где-то очень близко, но её голос донёсся словно из другого измерения, приглушённый грохотом и воем в ушах. Я не могла повернуть голову, чтобы увидеть её. Мир превратился в бешеную, раскрученную центрифугу, где не было верха и низа, только хаос и перегрузки, вдавливающие тебя в кресло.

Краем глаза, в разрывах между прыгающими тенями, я увидела в иллюминаторе у Маши не чёрное небо и не огни городов. Там мелькали какие-то бешеные, рваные клочья

света и тьмы, сливающиеся в спираль, в водоворот, засасывающий нас внутрь.

И вдруг — тишина.

Не настоящая. Не благословенная. А та, что бывает в сердце урагана, в момент между вспышкой молнии и ударом грома, предсмертная, обманчивая. Двигатели, ревущие все это время, разом умолкли. Крики на секунду стихли, застыв в глотках, словно их перерезали. Самолёт будто завис в этой чудовищной пустоте, перестав быть машиной и став просто куском металла, летящим по воле безумных законов физики, которые мы уже не понимали.

А потом нас окутало. Поглотило. Выжгло сетчатку глаз и самый разум.

Свет...

Не жёлтый мигающий свет аварийных ламп. Не слепящая вспышка. А слепящее, всепоглощающее, абсолютно белое, молочное сияние. Оно не пришло с какой-то стороны. Оно хлынуло со всех сторон одновременно, заливая салон, стирая границы, растворяя лица, тени, кресла, тела. В нём не было тепла солнца. Оно было холодным, безжизненным, математически чистым и бесконечным, как лист белой бумаги, на котором ещё не начали писать.

Я инстинктивно прижала к груди переноску с визжащим, бьющимся внутри существом, зажмурилась изо всех сил, но свет проникал даже сквозь веки, сквозь кости черепа, прожигая мозг до самой его сердцевины, заполняя всё внутрен-

нее пространство этой немислимой, всеуничтожающей белизной. Не было ни звука падения, ни гула, ни криков. Не было ощущения веса, тела, ремней. Только эта белизна. И чувство полного, тотального растворения, стирания, как карандашный набросок под ластиком.

Последней осознанной мыслью, слабым искоркой сознания, пронесшейся в этой абсолютной белой пустоте, было странное, почти спокойное, лишённое паники наблюдение: «Ага. Значит, «проклятый отдых». Часть вторая. И она называется... «Белый экран». Занавес».

А потом не стало ничего. Даже света. Даже мысли. Только пустота, мягкая и бездонная, как перина, на которую падаешь с самой высокой башни в самом страшном сне.

Глава 4

Первым пришло ощущение холода. Оно обрушилось, как лавина, не обволакивая, а впиваясь тысячами тонких, острых, ядовитых игл. Они пронзали кожу, сквозь тонкую ткань одежды, достигая самых костей. Холод был сырым, плотным, удушающим. Он пах не новогодней ёлкой из супермаркета, а дикой хвоей, смолой и чем-то древним, горьким, как промёрзшая насквозь земля. Он забирался в лёгкие с каждым вдохом, выжигая изнутри ледяным огнём.

Затем пришла боль. Она не была локализованной — она была всем. Всей вселенной, в которой не осталось ничего, кроме неё. Она разлилась по телу глухой, пульсирующей, яростной волной, будто меня протащили по битому стеклу, отходили дубинками, а потом прокрутили в гигантской мясорубке, оставив только сырую, ноющую массу. Особенно ныла голова. В висках стучал набат, дикий и неистовый, отдаваясь эхом в каждом зубе, заставляя челюсть смыкаться в судороге. Мысли не было. Была только паника, слепая и первобытная, застрявшая в горле комом. Жива. Боже, я жива. А это... Это хорошо?

И только потом, сквозь эту белую, ревущую стену боли и холода, прорвалось сознание. Оно вернулось нехотя, обрывками, с помехами, как плохой сигнал из другой галактики. Картинка мигала, пытаясь собраться воедино.

Тишина.

Это осозналось вторым, и от этого стало ещё страшнее. После оглушительного гула двигателей, рёва расколотого металла, душераздирающих криков — здесь царила оглушающая, абсолютная, могильная тишина. Лишь где-то на грани слуха скрипела ветка, не выдерживая тяжести снега. Тишина была настолько полной, плотной, что в ушах звенело от её собственной громкости. Это звон был хуже любого шума — в нём слышался собственный бешеный пульс и шепот: «Ты одна, ты одна, ты одна.»

Я лежала лицом вниз. Щека тонула во мху, в чём-то холодном, мягком и отвратительно влажном. Я заставила себя открыть глаза. Ресницы слиплись. Перед носом, в сантиметре, — сломанная ветка, покрытая прозрачным инеем, и тёмно-зелёный мох, усеянный крошечными, идеальными снежинками. Я дышала. Каждый вдох обжигал лёгкие лезвием — таким чистым, что было больно. Слишком чистым. Ни следа керосина, перегретого металла, едкого запаха страха. Только хвоя, промёрзшая земля и, да, металл. Но не палёный. Просто холодный, безжизненный, как и всё вокруг.

«Бублик...»

Мысль ударила, как разряд тока, выжигая остатки тумана. «Пес. Переноска. Под сиденьем.»

Сердце, до этого бившееся где-то в горле, оборвалось и рухнуло в пустоту. Я рванулась подняться. Мир накренился, завертелся бешеным карусельным вихрем. Земля ушла из-

под ног, небо ударило в лицо. Желудок, пустой и скрученный спазмом, взметнулся к горлу, выталкивая наружу кислый привкус паники. Я сглотнула судорожно, упёрлась руками в ледяную, скользкую подушку мха, оттолкнулась с силой, на которую не была способна. Оказалась на коленях, тело тряслось крупной, неконтролируемой дрожью. Дышала ртом, хватая воздух, как рыба, выброшенная на берег, — бессмысленно, часто, с хриплым свистом.

— Бублик! — хрипло выдохнула я, и мой голос прозвучал чужим, разбитым, потерянным в этой тишине. — Булочка, отзовись!

Справа раздался скулёрж. Слабый, жалобный, прерывистый. Звук, от которого сердце сначала замерло, а потом забилось с такой бешеной силой, что в глазах потемнело. Я повернула голову, и боль, острая и точная, как нож, пронзила шею. В полуметре, в груди развороченного, примятого мха и обломков пластика, лежала его переноска. Та самая, синяя. Одна сторона была вмятой, будто по ней ударили кувалдой. Сетчатое окошко порвано, из разрыва торчала знакомая коричневая лапа. Без движения.

«Нет. Нет-нет-нет-нет.»

Мысль превратилась в мантру ужаса. Я поползла. Не чувствуя рук и ног, не чувствуя боли, только одно жгучее, всепоглощающее желание — добраться. Снег набивался под свитер, ледяной крошкой резал ладони. Пластик переноски был холодным, как смерть. Пальцы, одревеневшие и непослуш-

ные, с трудом нашли сломанную молнию, дернули. Заглянула внутрь, зажмурившись от ужаса.

Два чёрных, огромных от страха, но живых глаза смотрели на меня из клубка дрожащего тела. Он скулил, коротко и прерывисто, но, когда увидел меня, попытался вильнуть обрубок хвоста — неуверенно, постукивая им по пластику. Пахло псиной, страхом и мочой. Ему досталось. Но он был цел и жив.

Слёзы хлынули сами, горячие, солёные и совершенно неконтролируемые. Они жгли ледяную кожу щёк. Я запустила руки внутрь, ощупывая его со всех сторон, проверяя лапы, рёбра, спину. Ни переломов, ни крови, только учащённое, прерывистое дыхание. Просто перепуган до полусмерти. Как и я.

— Хороший мальчик, — бормотала я срывающимся голосом, прижимая его мокрую, холодную морду к своей шее. Он лизал мне подбородок, скуля и хрипя, и этот звук был самым прекрасным в мире. — Самый хороший, мы выжили, мы... — голос сорвался. Я подняла голову, впервые по-настоящему осмотрелась.

И у меня перехватило дыхание. Настоящий, физический спазм сжал горло.

Мы были на поляне посреди леса. Но не просто леса. Первобытного, незнакомого, подавляющего. Сосны и ели, толщиной в несколько обхватов, уходили ввысь, теряя вершины в низкой, свинцовой пелене неба. Всё — земля, ветви, пова-

ленные стволы — было засыпано снегом. Чистым, нетронутым, пушистым, будто его только что высыпали из бесконечного мешка. Ни следов, ни тропинок, ни столбов, ни проводов. Ни одного звука цивилизации — ни гудка машины, ни гула самолёта, ни даже далёкого лая собаки. Только лес, снег и эта давящая, всепоглощающая тишина.

И обломки.

Они были разбросаны вокруг, как игрушки, брошенные разгневанным гигантом. Небольшие, неестественно чистые куски обшивки с ребристой изнанкой, пластиковые панели салона с ключьями ткани, обрывки сидений, похожие на внутренности. Ничего крупнее чемодана. Ни фюзеляжа, ни крыльев, ни хвоста с опознавательными знаками. Как будто самолёт аккуратно, по швам, распался на атомы в воздухе и рассыпался дождём по этому ледяному лесу.

Неподалёку, метрах в десяти, лежало тело в ярко-синей куртке. Не двигалось. Совсем. Дальше, прислонившись к сосне, сидела женщина — Маша? Нет, не она. Незнакомая. Она качалась вперед-назад с монотонной, механической регулярностью, обхватив колени, и её плечи беззвучно тряслись.

Где-то за деревьями, словно из другого измерения, донёсся крик: «Алло? Люди! Кто-нибудь!» Голос был полон животной, неконтролируемой паники, но слабый, далёкий, беспомощный.

Адреналин, притуплённый первым шоком и облегчени-

ем от находки Бублика, снова хлёстко ударил в кровь. Он был горьким, как полынь. Надо было действовать. Двигаться. Найти своих. Женю. Машу. Осмотреться. Понять, где мы. Мысли метались, сталкиваясь и рассыпаясь. Я попыталась встать на ноги. Ноги, как ватные, дрожали и подкашивались. Пришлось уцепиться, впиться пальцами в шершавую, живую кору ближайшей сосны. Сделала несколько глубоких, судорожных вдохов ледяного воздуха. Голова немного прояснилась, но паника сидела где-то глубоко внутри, свернувшись холодным клубком.

— Ладно, булка, сиди тут. Не уходи, — прошептала я Бублику, который, хромая, вылез из переноски и растерянно обнюхивал снег.

Он посмотрел на меня с немим укором и страхом. «Куда я денусь? И куда ты?»

Я отползла прочь от груды обломков, от нашего маленького островка катастрофы. Нужно было увидеть больше. Оценить. Найти кого-то. Сил хватило только на то, чтобы доползти до небольшой возвышенности — обнажённого, скрученного корня древней ели.

Отсюда открывался вид. Поляна, усыпанная обломками, как блёстками после самого кошмарного в мире праздника. Я увидела ещё несколько фигур. Одна, в светлом, медленно волочила ногу. Другая стояла на коленях рядом с тем, что не двигалось. Всего, может быть, человек десять-пятнадцать. Разбросаны, как куклы. Ни детского плача. Слава... кому?

Кажется, дети не летели этим рейсом. А где же наши? Женя? Его рыжая шапка? Машин смех? В глазах снова запершило.

И тут тень накрыла меня.

Она была длинной, неестественно длинной, и легла на девственный снег прямо передо мной, перечеркнув белизну резким, чётким, тёмным силуэтом. Силуэтом человека. Но не в спасательном жилете, не в рваной одежде пассажира. В чём-то плотном, тёмном, с чёткими, жёсткими линиями, напоминавшими доспехи или очень странную одежду. И с чем-то длинным и тонким в руке. Копьём? Посохом? Луком?

Холод, уже не внешний, а внутренний, тотальный, пронизывающий до мурашек в душе, сковал меня на месте. Дыхание остановилось. Время замедлилось. Звуки леса исчезли. Я медленно, преодолевая сопротивление каждой одеревеневшей мышцы, чувствуя, как стучит в висках тот самый набат паники, подняла голову.

Глава 5

Всё произошло за считанные секунды, но в моей памяти это осталось кадром, выжженным кислотой. Ярким, острым, невыносимо медленным.

Он шагнул ко мне из-под сени гигантской ели, и мир словно сжался до размеров его фигуры. Он был не просто высоким. Он был громадным. Широкие плечи, закованные в потёртую, но прочную кожу с наклёпанными стальными пластинами, казалось, загораживали полнеба. Седые виски, выбивающиеся из-под края простого стального шлема, и пронизывающий, холодный взгляд светло-серых глаз. Взгляд не спасателя, не сочувствующего очевидца, а хищника, изучающего неожиданную, странную добычу. В его руке — не посох, а настоящее копьё с длинным, смертоносным наконечником, который беззаботно касался снега.

Мозг, отказываясь верить, лихорадочно метнулся между версиями: «Масштабные съёмки... Реконструкторы-экстремалы... Галлюцинация от удара...» Но ни одна не приживалась. Потому что от него исходило ощущение абсолютной, невыносимой реальности. Запах — не костюмированной мастерской, а конского пота, холодного металла, древесного дыма и чего-то дикого, звериного. Звук — тяжёлое, ровное дыхание, лёгкий скрип кожи и звон амуниции при движении. И этот взгляд. Он смотрел на меня так, будто я была не че-

ловеком, а непонятным насекомым, которое вдруг оказалось на его пути.

Он что-то сказал, я сразу и не разобрала слов. Голос низкий, хриплый, как перекатывающиеся по дну ручья камни. Звуки языка были гортанными, жёсткими, лишёнными знакомых интонаций. Это был не вопрос, не просьба. Это был приказ. Или констатация факта. Он протянул руку — огромную, в грубой кожаной перчатке, с потертостями на костяшках. Жест был простым и не оставляющим сомнений: «Иди сюда».

Вся моя нервная система, и без того натянутая до предела падением, холодом и болью, среагировала одним-единственным, примитивным импульсом: «ОПАСНОСТЬ. БЕГИ.»

Но бежать было некуда. Ноги подкашивались. За спиной — только глухой, незнакомый лес. А передо мной — он.

И тогда взгляд скользнул вниз. На снег. Рядом с моим коленом, торча из сугроба, лежал осколок. Пластиковый, изогнутый, с острым, рваным краем. На нём, криво, но читаемо, белела знакомая надпись: «EXIT». Выход. Последняя насмешка разбившегося мира.

Я не думала. Мысли отключились. Сработали инстинкты, выкованные не в каменном веке, а в подворотнях большого города и на бесконечных тренингах по «безопасности для девушек». Первое правило: если нельзя убежать, атакуй первым. И бей чем попало. И бей на поражение.

Рука сама схватила обломок. Он был холодным, неудоб-

ным, скользким от инея. Но тяжёлым. Я рванулась с места не вставая, с колен, вложив в удар всю силу отчаяния, весь накопленный за этот проклятый вечер ужас и ярость. Я не целилась. Я просто хотела отбиться, оттолкнуть, создать расстояние.

Он, видимо, ожидал чего угодно: крика, слез, покорности. Но не этого. Не этой дикой, отчаянной атаки от, казалось бы, беспомощной, полузамёрзшей девчонки. Его глаза на миг расширились от чистого, немого удивления. Он инстинктивно дёрнул голову в сторону, но было уже поздно.

Тупой, рваный край пластика со всей моей силой пришёлся не по плечу, а по левой стороне его шлема. Прямо над виском.

Звук был оглушительным. Не треском, не хрустом. Глухим, медным «БДЫЫНЬ!», который отозвался эхом в тихом лесу, будто ударили в плохой, треснувший колокол. Вибрация болезненно отдалась в моих пальцах, запястьях, прошла по всей руке до самого плеча.

Он не закричал. Он издал короткий, сдавленный звук — нечто среднее между стоном и гортанным выдохом «Ух!». Его голова отшатнулась от удара, всё массивное тело пошатнулось, сделало произвольный шаг назад. Правая рука с копьём опустилась, вонзив наконечник в снег для опоры. Левая в перчатке потянулась к голове.

Из-под края шлема, на скулу, по седой щетине, медленно, словно нехотя, поползла тонкая, алая ниточка крови. Она

была яркой, почти кричащей на фоне бледной кожи и серого зимнего дня.

Наступила тишина. Даже лес будто замер. Ни ветра, ни скрипа снега. Только моё бешеное, свистящее дыхание и тихий, испуганный скулёж где-то у моих ног.

Я застыла, всё ещё сжимая в онемевшей руке свой дурацкий «EXIT». Мужчина выпрямился. Медленно. Словно скрипучий механизм. Его пальцы в перчатке стёрли кровь со щеки, он посмотрел на красный след на коже, потом перевёл взгляд на меня.

И всё изменилось.

Исчезло холодное любопытство, оценка. Исчезло даже изумление. В его светло-серых, почти ледяных глазах вспыхнуло что-то первобытное, тёмное и невероятно опасное. Это была не просто ярость. Это было оскорбление. Глубокое, личное оскорбление существа, привыкшего к беспрекословному подчинению. Оскорбление воина, которого только что огрели по голове каким-то хламом.

Его губы, плотно сжатые, приоткрылись. Он прошипел что-то. Одно слово. Гортанное, полное такой ненависти и презрения, что мне стало физически холодно, будто лёд тронулся по жилам.

Он сделал шаг вперёд. Всего один. Но в этом шаге была такая мощь и такая неоспоримая угроза, что моё парализованное тело наконец дрогнуло.

«Беги!»

Команда вспыхнула в мозгу, как сигнальная ракета. Я отпрыгнула назад, споткнулась о корень, едва не упала. Взгляд метнулся по сторонам. Лес. Тёмный, густой, полный неизвестности. Но в нём был шанс. Передо мной же — верная смерть или что-то похуже.

— Бублик! — хрипло выкрикнула я, не глядя вниз.

Он был тут как тут. Маленькое, тёплое, дрожащее тело прижалось к моей ноге. Я наклонилась, не выпуская обломка из одной руки, и второй, дрожащей, схватила его под живот, прижала к груди. Он не сопротивлялся, лишь тихо завизжал от неожиданности и боли — я, наверное, сжала его слишком сильно.

И я побежала.

Не оглядываясь. Не думая. Просто вперёд, в чащу, под низко нависающие, заснеженные лапы елей. Ноги, слабые и ватные, нашли второе дыхание от чистого адреналина. Я петляла между стволами, спотыкаясь о валежник, проваливаясь по колено в невидимые под снегом ямы. Ветки хлестали по лицу, цеплялись за одежду, сыпали на голову снег. Я ничего не чувствовала. Только дикий, всепоглощающий страх в груди и однообразный стук сердца в ушах: «Тук-тук-тук-тук.»

Сзади донёсся звук. Не крик. Низкий, протяжный, мелодичный свист. Он прорезал лесную тишину, как лезвие. И ему почти сразу ответил другой такой же свист, справа, дальше. Потом третий, слева.

Их было больше одного.

Мысль ударила, как обухом. Не просто воин. Это была группа. Охотники. А мы — добыча.

Я бежала ещё быстрее, уже не разбирая пути. Главное — дальше, глубже, туда, где не слышно этих свистов. Бублик, прижатый к груди, тяжело дышал мне в шею. Я споткнулась о скрытый корень и полетела вперёд, на руки. Обломок выскользнул из пальцев, потерялся в снегу. Я даже не стала искать. Вцепилась в Бублика сильнее, поднялась и снова побежала.

Наконец, силы начали сдавать. Легкие горели огнём, в боку закололо, ноги стали ватными. Я увидела впереди нагромождение валунов, поросшее мхом и укрытое снежным козырьком. Что-то вроде небольшого грота. Без раздумий я нырнула под этот каменный навес, в темноту и относительную сухость.

Споткнулась, упала на колени. Осторожно выпустила Бублика. Он, дрожа, прижался ко мне. Мы оба сидели, слушая, как наши сердца колотятся в унисон.

Я прислушалась к лесу.

Свисты стихли. Но теперь доносились другие звуки. Голоса. Те же гортанные, чужие голоса, но уже ближе. Спокойные, деловые. И шаги. Тяжёлые, мерные шаги нескольких людей, хрустящих по снегу где-то совсем рядом с нашим укрытием.

Я затаила дыхание, прижала Бублика к себе, зажала ему морду рукой. Он понял, замер.

Тени мелькнули между деревьями. Я увидела края плащей, меховую оторочку, блеск металла. Они прошли мимо. В нескольких метрах. Неспешно, о чём-то переговариваясь. Один из них даже остановился, как будто что-то рассматривая на снегу. Может, мой след? Но потом он что-то бросил другим, и они двинулись дальше.

Я сидела, не дыша, пока звуки их шагов не растворились вдали. Потом ещё долго. Пока холод от камней не проник сквозь одежду и не заставил зубы выбить дробь.

Только тогда я позволила себе выдохнуть. Тихо-тихо, с рыданием где-то внутри.

Мы выжили в падении. Пережили удар. И теперь мы прятались в лесу, как дикие звери, от людей, которые выглядели так, будто сошли со страниц учебника по тёмным векам.

И у одного из них на щеке была свежая царапина. От меня. «Exit», — вспомнила я дурацкую надпись на обломке. Какой уж тут выход. Мы, кажется, только что с грохотом влетели в самую что ни на есть дверь с табличкой «Вход. Посторонним В.»

Глава 6

Время под каменным козырьком текло иначе. Оно не шло минутами — оно пульсировало ударами сердца, которые я чувствовала и в собственной груди, и в крохотном, тёплом тельце Бублика, прижатом ко мне. Каждый удар отсчитывал: жив, жив, жив... пока.

Адреналин отбежал, оставив после себя леденящую пустоту и дрожь, которая начиналась где-то глубоко внутри и вырывалась наружу мелкой, неконтролируемой дрожью челюстей. Холод пробирался сквозь джинсы, свитер, кожу, въедался в кости. Я прижалась спиной к шершавому, ледяному камню, стараясь сделать себя меньше, незаметнее.

Бублик, напротив, начал приходить в себя. Его страх, видимо, имел другой химический состав — более простой. Прямая угроза миновала, и теперь главным врагом был холод и мой собственный, пахнущий страхом пот. Он вывернулся из моего сковывающего объятия, сел на мои колени и принялся методично, с тихим сопением, облизывать мне подбородок, щёку, до которой мог дотянуться. Его тёплый, шершавый язык был самым настоящим, самым добрым, что было в этом лесу, в этом дне, в этой вселенной.

Я машинально провела рукой по его спине, ощущая под пальцами знакомую складчатую кожу. Это действие, такое привычное, дало опору. Крошечный островок нормальности

в океане безумия.

Именно в этот момент до меня донеслись звуки. Не те, свистящие, что заставили нас бежать. А другие. Голоса. Ближе.

Я замерла, рука на спине Бублика застыла. Он почувствовал напряжение и сам замолк, прижав уши.

Голоса были низкими, отрывистыми, но теперь в них не было той деловой спокойной интонации, что у прошедших мимо воинов. Слышались раздражение, резкие команды. И ещё стоны? Нет, не стоны. Что-то вроде приглушённого рычания, полного боли и ярости.

Любопытство — страшная сила. Оно сильнее страха, сильнее инстинкта самосохранения. Осторожно, сантиметр за сантиметром, я приподнялась на коленях и, удерживая Бублика, выглянула из-под края каменного навеса, в щель между двумя валунами.

Поляна, с которой я сбежала, была отсюда частично видна. Метрах в тридцати. И на ней теперь кипела деятельность.

Их было человек шесть или семь. Все в похожей экипировке — кожа, мех, стальные нагрудники, шлемы простых, практичных форм. Воины. Они двигались быстро, чётко, осматривали обломки, переворачивали панели, вытаскивали из-под них какие-то предметы. Двое стояли спиной ко мне, охраняя периметр. И в центре этой активности, сидя на большом обломке, покрытом инеем, был ОН.

Мой высокий, седовласый враг.

Он сидел, слегка сгорбившись, локти на коленях. Один из его людей, помоложе, без шлема, склонился над ним, что-то говоря быстрым, тревожным шёпотом. В руке у молодого воина была какая-то тряпица, и он осторожно, но настойчиво пытался прикоснуться ею к голове командира.

Тот резко отстранился, отмахнувшись рукой, будто от назойливой мухи. И тогда я увидела его лицо ясно. На бледной, покрытой морщинами и седой щетиной коже чётко выделялся свежий, красный след — ссадина, оставленная острым краем моего обломка. Из неё уже не текла кровь, но она выглядела болезненно и, что важнее, унижительно.

Его лицо искажала гримаса. Не боли — ярости. Чистой, неразбавленной ярости. Светло-серые глаза, которые я запомнила такими холодными, теперь горели изнутри ледяным огнём. Он что-то прошипел в ответ молодому воину, и тот поспешно отступил на шаг, опустив голову.

Потом седовласый воин медленно поднялся. Он был ещё более массивным, чем мне показалось в первый момент. В полный рост он на голову возвышался даже над своими рослыми подчинёнными. Он поднёс руку к голове, к месту удара, осторожно пальцами исследовал шлем, затем ссадину на коже. Его пальцы сжались в кулак.

И он издал звук.

Это не было криком. Это был рык. Низкий, идущий из самой глубины груди, гортанный, полный такого немого, бесильного гнева, что по спине у меня пробежали мурашки. Он

звучал как далёкий раскат грома, который родился не в небесах, а в самом чреве земли. В этом рыке было всё: оскорблённая гордость, ярость от неожиданности, боль и обещание. Обещание найти. И воздать.

Рык затих, растворившись в морозном воздухе. Его люди замерли, вытянувшись по стойке «смирно», не глядя на командира. Воцарилась напряжённая тишина.

Он резко выпрямил спину, сбросив с себя остатки слабости. Его взгляд метнулся по поляне, по лесу, скользнул по деревьям — и на миг, мне показалось, остановился именно на нашем укрытии. Сердце упало в ботинки. Но нет, он лишь обвёл взглядом окрестности, оценивая, вычисляя.

Потом он отдал короткую, отрывистую команду, кивнув головой в сторону, противоположную от моего укрытия. Воины мгновенно ожили, собравшись вокруг него. Молодой, что пытался помочь, протянул ему копье. Седеющий воин взял его одним движением, твёрдо вонзив древко в снег рядом с собой. Он был снова под контролем. Холодным, опасным, нестигаемым.

Мужчина бросил последний, длинный взгляд на поляну, на обломки, которые, вероятно, были для него такой же загадкой, как и он для нас. Потом резко развернулся и зашагал прочь, вглубь леса, не оглядываясь. Его воины, как тени, двинулись следом, быстро и бесшумно, рассыпавшись цепью.

Я видела, как поднимали выживших людей, как грузили в повозки и куда-то увозили. Через некоторое время поляна

опустела. От них остались только следы на снегу — чёткие, глубокие отпечатки грубых сапог, ведущие в чашу.

Я продолжала сидеть, не шевелясь, ещё долго после того, как последний звук их шагов затих. Мозг пытался переварить увиденное. Это не были дикари. Это была дисциплинированная группа. Воины. И тот, седовласый — их командир. Лидер. Человек, привыкший к власти и абсолютному подчинению. И я ударила его по голове. На глазах у его людей.

Это была не просто ошибка. Это была смертельная провинность. Публичное унижение, которое он никогда не простит.

Тихое, настойчивое тыканье влажным носом в щёку вернуло меня к реальности. Бублик, уставший ждать, снова взялся за свою терапевтическую работу — вылизывать меня дочиста. В его простом, собачьем мире всё было ясно: опасность ушла, мама тут, надо её успокоить, потому что она пахнет страхом, а это неправильный запах.

Я обняла его, прижала к себе, зарывшись лицом в складки кожи на его шее. От него пахло псиной, снегом и безоговорочной преданностью.

— Что же мы наделали, булка? — прошептала я в его шерсть. Голос был хриплым от невыплаканных слёз и сдавленного ужаса. — Мы только что объявили войну кому? Рыцарям? Викингам? Кто они?

Бублик в ответ тяжело вздохнул, как будто говорил: «Неважно кто. Они большие и злые. А мы маленькие и тоже,

в общем-то, не сахар, если разозлить. Но лучше не злить».

Мне нужно было двигаться. Сидеть здесь, замерзая, означало сдаться. Но куда идти? В ту сторону, куда ушли они? Самоубийство. Обратно, на поляну? Там могли остаться другие выжившие. Мои подруги. Или те самые воины могли оставить там кого-то в засаде.

Я осторожно вылезла из-под камня, огляделась. Лес молчал. Только ветерок шелестел в верхушках сосен, сбрасывая легкую позёмку. Я подняла Бублика, прижала к себе — он был живым, дышащим грелкой. И пошла. Не назад к поляне, а параллельно ей, стараясь держаться в гуще деревьев, двигаясь как можно тише, прислушиваясь к каждому шороху.

Мы шли, а в голове стучало, как набат: «Он ищет. Он обязательно ищет. И у него теперь личная причина». След от обломка на его щеке был не просто раной. Это был знак. Клеймо. И я понимала, интуитивно, костями понимала — он не успокоится, пока не сотрёт его. Вместе с тем, кто его нанёс.

Мы шли по лесу, двое самых неподходящих для этого места существ: городская девушка в рваных джинсах и мопс, дрожащий от холода. А где-то рядом, в этих же сумерках, двигалась тень с седыми висками и копьём. Тень, которая только что дала лесному эху обещание, похожее на приговор.

— А ну стоять! — раздалось совсем рядом.

Я замерла. Бублик прижал уши и нервно заскулил.

— Не подходи! — только и успела произнести, когда рядом буквально выросла фигура воина.

Он силой схватил меня под локоть и повел. Только сейчас я заметила за деревьями что-то похожее на сани, где уже лежало несколько человек, а впереди сидело еще два воина. Меня вместе с Бубликом толкнули на повозку, которая тут же тронулась в путь.

Глава 7

Солдаты были неразговорчивы. Удалось лишь узнать, что мы упали в другом мире и нас везут в замок. Эта информация никак не желала укладываться в голове, продолжая казаться полным абсурдом. Но спорить я благоразумно не стала — мало ли что можно ждать от кучки сумасшедших...

Путь до замка промелькнул в бледном, дрожащем кошмаре. Воины в кожаных и меховых доспехах (теперь я знала, как это называется — доспехи) не были жестоки. Они были безразличны. Как грузчики, перемещающие хрупкий, но не особенно ценный товар. Повозка, запряжённая мохнатыми, похожими на зубров животными, везла нас по заснеженной лесной дороге.

Я сидела, прижимая к себе Бублика, завернутого в тряпье, которое кто-то из выживших скинул с себя. Он дрожал, но уже не скулил. Мы с ним перешли в фазу тихого, ошеломившего шока. Рядом ехала Таня (девушка, летевшая в том же самолёте) — бледная, с синяком на виске, молча уставившаяся в пространство. Она отделалась вывихом плеча и теперь сидела, прижимая к себе здоровой рукой какую-то пожилую женщину из салона, которая безостановочно тихо плакала. Больше никого из знакомых лиц не было. Только испуганные, потерянные чужие лица.

Мы не разговаривали. Что можно было сказать? Все во-

просы висели в морозном воздухе, огромные и невыносимые: «Где мы? Кто они? Что будет?»

А потом мы увидели замок.

Остерферд. Название мы узнали позже. А тогда он просто возник из-за поворота — громадный, тёмный, из серого, поросшего лишайником камня. С остроконечными башнями, узкими бойницами, высокими стенами и воротами, похожими на пасть каменного чудовища. Он не был сказочно красивым. Он был суровым, мокрым от тающего снега и внушающим первобытный, животный ужас. Это была не декорация. Это была крепость. Место силы. И оно явно принадлежало им — людям в доспехах.

Нас провели через двор, где на нас с безразличным любопытством смотрели солдаты, служанки в простых платьях и какие-то важные мужчины в длинных, подпоясанных шнурами одеждах. Потом — вглубь, через каменные, продуваемые сквозняками коридоры, освещённые факелами. Запах воска, влажной шерсти, человеческих тел и чего-то пряного, древесного.

И вот тронный зал.

Он был меньше, чем можно было ожидать от таких стен. Не бесконечный, а камерный, но от этого не менее внушительный. Каменные стены, гобелены, изображающие охоты на невиданных зверей, и высокие, узкие витражные окна, через которые лился холодный, цветной свет. В конце зала, на невысоком каменном возвышении, стоял трон. Деревянный,

резной, без особых изысков. И на нём сидел король.

Ричард Адриан Вельторвидс Третий (всё это, конечно, я узнала позже) не был похож на сказочного монарха. Он был мужчиной лет тридцати, с умным, усталым лицом и внимательными, немного грустными глазами. На нём была простая, но добротная одежда тёмно-зелёного цвета, без горностаев и лишнего золота. Он выглядел скорее как утомлённый управляющий крупной, проблемной корпорацией, чем повелитель сказочного королевства.

Рядом с тронном стоял другой человек — высокий, тощий, в длинных тёмно-синих одеждах (опять же, позже я выучила это слово — мантия), с острым носом и жидкой бородкой. В руках он держал посох с кристаллом на конце, который слабо поблёскивал в свете факелов. Маг. Или учёный. Или и то, и другое.

Нас поставили в ряд перед тронном. Я держала Бублика, который наконец решил выглянуть из-под тряпки и, увидя обстановку, снова спрятался.

Король что-то тихо сказал магу. Тот кивнул, сделал шаг вперёд и заговорил.

— Люди из-за границ мира, — начал он, и его голос звучал хрипло. — Вы находитесь в Королевстве Остерферд. Я — маг Элрик. Это — его величество король Ричард Адриан Вельторвидса Третьего. Вы... попали в Лес Судьбы. Это место силы. Случилось чудо, ниспосланное волею богов, небо разорвалось, и явились чужие.

В зале повисло гробовое молчание. Эта мысль была одновременно пугающей и дающей какую-то призрачную надежду.

— Боги даруют нам пары, — продолжил маг, подбирая слова. — Истинные пары. Сердца, что созданы друг для друга в иных мирах. Те, чьи половинки есть в нашем мире... Кто-то уже нашел их в лесу. В момент падения.

Он сделал паузу, давая нам это осознать. Я увидела, как у одной пары — молодого парня и девушки, которые летели вместе — на лицах мелькнуло безумное понимание.

— Те, кто нашёл свою пару здесь, могут уже находиться со своими истинными, — маг посмотрел на нас, и в его взгляде было что-то вроде жалости. — Те, чья пара не найдена в Остерферде, остаются под защитой короны. По законам гостеприимства и старой магии. Вам дадут кров, знание об устройстве нашего мира, немного золота. Чтобы начать новую жизнь.

Новая жизнь. В мире с замками, магами и Лесами Судьбы. Удар был настолько ошеломляющим, что даже не вызвал паники. Просто тупое, ледяное принятие. Значит, так. Билет в один конец. И розыгрыш судьбы, где выигрышный приз — какой-нибудь незнакомец, который должен быть твоей «истинной половинкой».

Я осмотрелась, пытаясь найти взглядом подруг. Их не было. Либо они «нашли свои пары», как поведал маг, либо... Мысли о том, что их больше нет, я старалась подавить сразу

же, как только они возникали. Они живы! Живы!

— Вы зададите вопросы позже, — сказал маг, видя наши ошеломлённые лица. — Сейчас король желает видеть...

Он не договорил. Потому что в дальнем конце зала тяжёлые дубовые двери с грохотом распахнулись.

И вошёл он.

Лорд Каэллан. Его имя я узнаю тоже позже. Но в тот момент он был просто **ТЕМ САМЫМ**. В полном боевом облачении, без шлема, который он, видимо, снял. Его седые волосы были собраны в тугий хвост, лицо — жёсткое, как высеченное из гранита, с бледным шрамом на щеке и свежей, красной царапиной, от которой по виску стекал единственный ручеёк запёкшейся крови. Он шёл тяжёлой, уверенной походкой воина, который только что вернулся с поля боя. Его плащ был забрызган снегом и чем-то тёмным. Взгляд острый, как клинок, скользнул по залу, по королю, и остановился на нашей маленькой группе.

Или, точнее, на мне.

Он шёл, отдавая честь королю лёгким наклоном головы, но его глаза — эти ледяные, светло-серые глаза — не отпустили меня. Он буквально выдрал меня из толпы своим взглядом, будто крюком. Взглядом, в котором не было уже дикой ярости поляны. Теперь там была холодная, сфокусированная, абсолютная уверенность хищника, наконец-то нашедшего свой след. И кровь на его лице была тем самым знаком, той самой печатью, которая связывала нас незримой, ужас-

ной нитью.

Он подошёл к трону, отдал короткий, отрывистый рапорт низким, хриплым голосом, который заставил меня внутренне содрогнуться. Король выслушал, кивнул, что-то спросил, кивнув в нашу сторону.

Каэлан повернулся к нам. Ко мне. Его губы, тонкие и жёсткие, на миг приоткрылись. Не улыбка. Оскал. Быстрый, едва уловимый. Потом он перевёл взгляд на короля и сказал ещё что-то, уже гораздо тише, так, что было невозможно услышать.

Кровь стучала в висках. Я чувствовала, как под этим взглядом холодеют кончики пальцев, сжимающих Бублика. Он нашёл меня. Не просто как одну из чужеземок. А как ту самую. Ту, что ударила командующего Его Величества по голове обломком с надписью «Exit».

Маг снова заговорил, обращаясь к нам, объясняя что-то о размещении, об уроках знания мира. Но его слова доносились как сквозь вату. Весь мой мир сузился до высокого, седовласого воина в закопчённых доспехах, который стоял у трона и чей взгляд, тяжёлый и неумолимый, как гиря, давил на меня, обещая, что эта встреча в тронном зале — только начало.

Король Ричард что-то сказал, жестом отпуская его. Каэлан кивнул, бросил на меня последний, всевидящий взгляд — взгляд, в котором читалось: «Я тебя вижу. Я тебя помню», и развернулся, чтобы уйти. Его плащ взметнулся, и на мгно-

вание я увидела, как к его поясу на цепочке пристёгнут тот самый пластиковый обломок. С надписью «EXIT». Как трофей. Или как улика.

Двери за ним закрылись. Но обещание, холодное и острое, как сталь его взгляда, осталось висеть в воздухе.

Я стояла, пытаюсь вдохнуть, понимая одну простую вещь: Лес Судьбы оставил меня здесь. Без пары. Но, кажется, он тут же, по своей чудовищной иронии, назначил мне самого неподходящего на свете преследователя. И его звали лорд Каэлан.

Глава 8

Нас разместили в длинной, холодной комнате на одном из верхних этажей замка. Судя по голым каменным стенам, узким бойницам-окнам и ряду грубых деревянных кроватей с соломенными матрацами, это были покои для... Ну, для кого угодно: для солдат, для слуг, для неожиданных гостей из иных миров. В комнате нас было семеро попаданцев: я, Таня, пара молодожёнов (Андрей и Лена), пожилая женщина (Елизавета Петровна), беременная девушка (Маргарита) и ещё один мужчина средних лет (Дмитрий), молчаливый и суровый. Остальных увели в другие комнаты.

Принесли еды — чёрный хлеб, какую-то густую похлёбку с мясом неясного происхождения, кувшин воды и кувшин чего-то кислого, похожего на слабый сидр. Ели молча. Шок ещё не отпускал, превращая нас в подобие зомби. Только Бублик, которого я накормила крошками хлеба и кусочком мяса из своей миски, немного оживился, обнюхал каждую щель в полу и улёгся у моих ног, время от времени вздрагивая.

После еды пришла служанка — рыжеволосая девушка с добрым, испуганным лицом — и принесла грубые, но чистые шерстяные одеяла и ночные рубашки. Она что-то лопотала, показывая, где нужник (отдельная каморка в конце коридора, от которой веяло ледяным сквозняком и средневековым

ужасом). Мы кивали, почти не слушая её.

Когда она ушла, и в комнате остались только мы, тишина стала гнетущей. Прерывал её только вой ветра в бойницах и странные ночные звуки замка: шаги где-то внизу, приглушённые голоса, скрип железа.

— Я всё ещё надеюсь, что это сон, — первая нарушила молчание Таня, закутавшись в одеяло. Она сидела на своей кровати, поджав ноги. — Или коллективный психоз. Или эксперимент. Очень реалистичный эксперимент.

— Эксперимент с настоящей похлёбкой из жёсткого мяса и удобствами на улице? — хмыкнула Маргарита, поглаживая округлый животик. Было видно, что она сильно переживает о состоянии малыша, но всячески старается держаться и не нервничать, чтобы не усугублять ситуацию. — Нет, Тань, это по-настоящему. Мы в другой реальности. С королями, магами и... — она бросила взгляд на меня, — и суровыми вояками, у которых с лица кровь не вытирают.

В её голосе прозвучал немой вопрос. Все посмотрели на меня. Я сидела, глядя Бублика по голове, и чувствовала, как под этим общим вниманием на меня снова давит тот самый взгляд из тронного зала.

— Это ведь была ты, — тихо сказала Маргарита, отвечая на неозвученный вопрос. — Та, что ударила того лорда. Я видела.

«Лорда». Так его назвал маг. Лорд Каэлан.

Таня вытаращила глаза. Андрей и Лена перестали шеп-

таться. Дмитрий поднял голову. Елизавета Петровна перекрестилась.

— Ты что, с ума сошла?! — прошептала Таня, вскакивая с кровати и тут же скорчившись от боли в плече. — Ты знаешь, кто это был?! Он же... Он выглядит как главный злодей из эпоса! Ты ударила главного злодея по голове!

— Он ко мне протянул руку, — сказала я, и мой голос прозвучал удивительно спокойно. Возможно, потому что внутри всё уже заледенело. — Я не знала, что он собирался делать. И у меня в руке был кусок от самолёта. Я просто ударила.

Я описала коротко: пробуждение, его появление, удар, бегство. Пропустив только про обещающий рык и то, как он потом искал меня глазами в тронном зале.

В комнате повисла тишина. Потом Лена, та самая из молодожёнов, тихо ахнула и прижала руку к груди.

— Боже, как страшно романтично!

Я посмотрела на неё, не веря своим ушам. Таня и Маргарита кажется, тоже.

— Что? — выдавила я.

— Ну представьте! — глаза Лены горели в полумраке. Она уже отходила от шока и, видимо, её мозг, спасённый наличием «истинной пары» рядом, начал обрабатывать ситуацию в более литературном ключе. — Страшный, могущественный воин из другого мира. Таинственная незнакомка, падающая с неба. Их первая встреча в снегу, в лесу! Он протягивает руку, а она, храбрая, дикая, наносит удар! Это же... Это как

в книгах! Очень мрачно-романтично!

— Да-да! — оживился Андрей, обнимая её за плечи. — Только обычно герой спасает героиню. А тут наоборот! Точнее, не спасает, а... Ну, даёт отпор! Это свежо!

Я смотрела на них, открыв рот. Таня покачала головой, будто отгоняя мух.

— Ребят, вы о чём? Он не герой. Он – угроза. У него на лбу кровь была от Вариного удара! Он явно не пришёл потом в тронный зал с корзиной цветов!

— Но он же не сделал ничего плохого в лесу, — возразила Марго, задумчиво покусывая губу. Она тоже, кажется, начала подпадать под гипноз «романтического приключения». — Он просто стоял. Может, он хотел помочь? А ты его ударила. И теперь... Теперь есть конфликт! Основа для сюжета!

— Основа для того, чтобы он меня на дрын повесил на ближайшем дубе! — я не выдержала и повысила голос. Бублик поднял голову и хрипло хрюкнул в знак солидарности. — Вы что, не видели, как он на меня смотрел? Это был не взгляд на «таинственную незнакомку». Это был взгляд на личного врага номер один! На помеху, которую нужно устранить!

— Ой, Варь, не драматизируй, — махнула рукой Маргарита, но в её глазах читалась неуверенность. — У них тут законы, король. Он же не будет просто так устранять гостей королевства. Особенно таких экзотических.

— У него кровь текла, Марго! Моя работа! — я встала,

прошла по холодному каменному полу. — И он прицепил к поясу тот обломок. Тот, которым я его ударила. Как трофей. Это нехороший знак.

— Может, как сувенир? — вставила Таня. — На память о первой встрече.

Я просто застонала и уткнулась лицом в ладони. Бублик потёрся о мои ноги, выражая полную поддержку моей точке зрения.

— Ладно, не будем ссориться, — вздохнула Елизавета Петровна. Её тихий, спокойный голос немного охладил пыл. — Дело сделано. Теперь, Варенька, тебе просто надо держаться подальше от этого лорда. А мы все тебя прикроем. Вместе мы — сила.

«Сила» из семи перепуганных, растерянных горожан и одного мопса. Против военно-командующего целого королевства. Звучало не очень обнадеживающе.

В этот момент Бублик, который успокоился было, резко поднял голову и зарычал. Низко, в сторону узкого окна-бойницы. Мы все замерли.

— Что там? — прошептала Таня.

Я подошла к окну. Снаружи была крошечная тьма, лишь где-то внизу тускло светились факелы на стенах. Но на снегу, на ближайшей к башне площадке, мелькнула тень. Большая, угловатая. И не одна. За ней ещё две. Они скользнули бесшумно, остановились, будто что-то высматривая в нашем окне, а потом так же бесшумно растворились.

— Караул, наверное, — неуверенно сказала Марго. — Обходят замок.

Но в её голосе прозвучало сомнение. И в моих мыслях тоже. Караул ходил бы чётко, с факелами, было бы слышно бряцание амуниции. А эти тени были бесшумными, как призраки. И они смотрели сюда.

Бублик не успокоился. Он встал между мной и окном, его маленькое тело было напряжено, уши прижаты. Он продолжал тихо рычать, как сторожевой пёс, чувствующий незваных гостей.

— Видишь? Даже он понимает, что это не просто караул, — сказала я, возвращаясь к кровати. — Это он. Его люди. Или он сам. Они знают, где мы. И следят.

Комната снова погрузилась в тягостное молчание, на этот раз уже без намёка на романтику. Романтика кончилась там, на холодном полу тронного зала, под ледяным взглядом человека, который явно не собирался прощать и забывать.

Я забралась под грубое одеяло, прижала к себе Бублика. Он, наконец, перестал рычать, но не сводил глаз с окна. Его прерывистое, напряжённое дыхание говорило лучше любых слов: опасность не ушла. Она была здесь, в этом замке. И у неё были седые виски, шрам на щеке и свежая царапина на лбу.

Ночь в Остерферде обещала быть долгой и очень, очень тревожной. А с рассветом начиналась новая жизнь. В которой, как я теперь понимала, у меня уже был могущественный

и очень личный враг.

Глава 9

Сон, если он и был, оказался беспокойным и прерывистым. Мне снились ледяные руки, хватающие за плечи, и немые, полные ярости лица в полутьме. Бублик просыпался вместе со мной от каждого скрипа за дверью, каждый раз занимая свой пост у окна и издавая низкое предупредительное ворчание. За ночь мы с ним стали нервными сообщниками по несчастью.

Утром в дверь постучали. Вошли те же служанки, принесли воду для умывания, свежий (относительно) хлеб и миски с овсяной кашей, пахнущей дымом и чем-то лесным — орехами, может быть. Ели мы уже почти молча. Даже Лена и Андрей притихли, осознав, что их «романтическое приключение» может вот-вот закончиться неожиданным поворотом — типа невозможности вернуться домой.

Затем за нами пришли. Два стражника в более лёгких, чем у воинов в лесу, кожаных доспехах жестами показали следовать за ними.

Нас снова повели по бесконечным каменным коридорам, но на этот раз не в тронный зал, а в некое подобие зала для аудиенций поменьше. Здесь было светлее, высокие окна пропускали бледный зимний свет. В центре стоял длинный дубовый стол, за которым сидели король Ричард, маг Элрик и ещё несколько важных на вид мужчин в длинных одеждах.

Вдоль стен стояли придворные — мужчины и женщины в добротных, но не вычурных нарядах. Все смотрели на нас с холодным, не то чтобы враждебным, но отстранённым любопытством. Как на диковинных зверей, которых вот-вот представят публике.

И среди них был ОН.

Лорд Каэллан стоял чуть в стороне от общей группы, прильнув плечом к каменному косяку. Он был в более простой одежде: темный кафтан поверх рубахи, высокие сапоги, но без доспехов. Его руки были скрещены на груди, а взгляд... Его взгляд сразу же нашел меня в нашей маленькой кучке и приклеился. Он не сводил с меня глаз. Напряжённый, тяжёлый, изучающий. И на его лбу, начисто вымытом, чётко виднелась красная царапина, идущая от линии волос к брови. Знак. Мой знак. Он не скрывал его, напротив, он будто выставлял напоказ, как вызов. Как напоминание.

Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки, и опустила глаза, прячась за спиной Марго. Бесполезно. Я чувствовала его взгляд на себе физически, как прикосновение ледяной иглы.

Король Ричард что-то тихо сказал Элрику. Маг кивнул и поднялся.

— Люди извне, — начал он. Его голос звучал в тишине зала громче, чем накануне. — Король Остерферда выслушал доклады. Лес Судьбы сделал свой выбор. Пары нашлись ещё для троих.

Он сделал паузу. Последующее за этим волнение было предсказуемым. Двумя истинными оказались как раз-таки молодожены. Лена и Андрей схватились за руки, на их лицах вспыхнуло облегчение от того, что их оставят в покое. Третьей оказалась Елизавета Петровна — к её изумлению и ужасу, из толпы придворных вышел седой, сурового вида мужчина в простой, но добротной одежде конюха или лесничего. Он молча поклонился ей, и на его лице я увидела не растерянность, а спокойное, решительное принятие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.